

Обзорная статья

УДК 159.9.07

DOI: 10.15293/2312-1580.2404.02

«Мой дракон»: что диагностирует проективная методика?

Куликова Софья Тимофеевна¹, Белобрыкина Ольга Альфонсовна²

^{1,2} Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье обсуждается проблема создания и модификации методов проективной диагностики. Подчеркивается, что многие современные проективные методики часто разрабатываются, модифицируются и применяются без должной методологической основы и вне контекста четко определенной психодиагностической парадигмы. Представлены результаты содержательного анализа проективной методики «Мой дракон», широко представленной в сети Интернет, что делает ее доступной для широкой категории пользователей с разным уровнем профессиональной подготовки, и рекомендуемой к применению в образовательных учреждениях. Выявлена ее методологическая несостоятельность и диагностическая непригодность. Отмечается, что некомпетентное использование проективных методик, в том числе не соответствующих методологическим требованиям и методическому качеству, значительно увеличивает риск формулировки ошибочных психологических заключений.

Ключевые слова: психодиагностика; проективная методика; символическая основа; контент-анализ; модификация методики; психологическое заключение.

Для цитирования: Куликова С. Т., Белобрыкина О. А. «Мой дракон»: что диагностирует проективная методика? // Смальта. 2024. № 4. С. 17–37. DOI: <https://doi.org/10.15293/2312-1580.2404.02>

Review Article

“My Dragon”: What Does the Projective Technique Diagnose?

Sofya T. Kulikova¹, Olga A. Belobrykina²

^{1,2} Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia

Abstract. In the article discussed problem creation and modification of projective diagnostic methods. Emphasis, that many modern projective techniques are often developed, are modified and applied without proper methodological basis and outside the context of a well-defined psychodiagnostic paradigm. The results of the substantive analysis are presented projective posts tagged “My Dragon”, widely presented on the internet, which makes it accessible to a wide category of users with different levels of professional training, recommended for use in educational institutions. Detected its methodological insolvency and diagnostics unsuitability. It is noted, what incompetent utilization projective

methodology, including: not in line with methodological requirements and methodological quality, significantly increases risk formulation wrong psychological conclusions.

Keywords: psychodiagnostics; projective methodology; symbolic basis; content analysis; modification of method; psychological conclusion.

For Citation: Kulikova S. T., Belobrykina O. A. "My Dragon": What Does the Projective Technique Diagnose? *SMALTA*, 2024, no. 4, pp. 17–37. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.15293/2312-1580.2404.02>

Интерес к проективной технике как практической процедуре не снижается со времен Пифагорейской школы философии [29]. Заложенная К. Г. Юнгом в конце XIX – начале XX в. научная основа позволила проективной диагностике выйти далеко за пределы психотерапевтической и клинической практик, в рамках которых разрабатывалась и применялась значительная часть проективных методов.

В последние годы наметилось резкое смещение акцента на минимизированные инструменты тестирования с сопутствующим расширением использования проективных техник не только в психологической, но и педагогической, социальной практике. Несмотря на то, что существенное большинство параметров проективных методов эмпирически не подтверждено, доказательства достоверности многих техник рисования довольно ограничены, а психометрические свойства этого типа методик вызывают сомнение у многих ученых и практиков во всем мире [13; 20; 38; 39; 40; 41], проективные тесты продолжают использоваться и считаются практикующими специалистами различных направлений психологического профиля ценным измерительным инструментом.

Актуальность, востребованность и распространенность проективной диагностики в настоящее время приобрела широкие масштабы, приведшие к повсеместному применению тиражируемого в массовом объеме диагностического инструментария и, главное, к некритичному восприятию проективных техник, что стало вызывать серьезные опасения в профессиональном сообществе [3; 5; 7; 11; 14; 24; 30; 32].

Обращение к сайтам образовательных организаций и web-страницам педагогов-психологов показало, что одной из наиболее распространенных в последние годы в практике применения школьными психологами стала проективная методика «Мой дракон», что обусловило наш интерес к ее рассмотрению. Анализ методики был осуществлен на основе текстов, представленных в следующих источниках:

1. Проективная методика «Мой дракон» [Электронный ресурс] // Методическое пособие по работе с детьми, нуждающимися в социально-психологической помощи / сост. С. Л. Цветкова, М. И. Попова. Амга: МБОУ Амгинская средняя общеобразовательная школа № 2 имени В. В. Расторгуева, 2013. С. 39–42. URL: <https://www.klex.ru/n6j> (дата обращения: 10.09.2024).

2. Проективная методика «Мой дракон» [Электронный ресурс]. URL: https://studopedia.ru/29_31675_proektivnaya-metodika-moy-drakon.html (дата обращения: 07.08.2024).

3. Цветкова С. Л. Изучение копинг-поведения подростков и взрослых с помощью проектного метода «Мой дракон» // *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии*. 2015. № 12 (57). С. 128–133.

Содержательный анализ проективной методики был проведен на основе применения критериев и показателей оценки методологической состоятельности, предъ-

являемых к разрабатываемым и предлагаемым к применению психодиагностическим процедурам [4; 7; 11; 16; 31].

Первое, что фиксируется при ознакомлении с текстами описания методики, – это ее разное позиционирование. Так, в источниках № 1 и № 2 указано, что это проективная методика, тогда как в источнике № 3 методика обозначена как «проектный метод». Заметим, что «проектный метод» не синонимичен и не идентичен «проективному методу», следовательно, обозначение, указанное в научной публикации (источник № 3), является некорректным, так как представляет собой интерактивную образовательную (педагогическую) технологию, один из методов обучения (метод проектов, проектная деятельность), предполагающий достижение конкретной дидактической цели посредством подробной разработки проблемы, завершающейся вполне реальным продуктом / практическим результатом, который оформляется соответствующим образом [18]. Термин «проективный метод», в свою очередь, указывает на более обобщенный способ научного познания, тогда как «методика» – это конкретная, частная процедура, позволяющая решать конкретную диагностическую задачу [7; 16]. В данном случае позиционирование методики, представленное в источнике № 3, неправомерно расширяет круг неквалифицированных пользователей, что может привести к неверной интерпретации результатов. В этом же источнике указано, что методика «Мой дракон» *была построена на основе проектной рисуночной методики и сказкотерапии*. Однако автор публикации не предоставляет информации о том, что он понимает под «основой проектной рисуночной методики». Скорее всего, речь идет об изначальном (аналоговом) варианте проективной (не проектной!) методики (причем ссылка на работу, в которой представлен ее исходный вариант, отсутствует), где, видимо, предлагалось просто нарисовать дракона, а подход сказкотерапии добавлен в связи с внесенными в методику изменениями. Вместе с тем не указывается, чем именно обусловлен выбор вносимых изменений («Идея использования метода “Мой дракон” была выбрана достаточно случайно»), несмотря на то что на этапе методологического обоснования основной упор должен делаться на объяснении причин, побудивших модификатора внести изменения в методику [11; 25]. Однако во всех источниках данные о методологической базе обозначены весьма формализовано – указано, что анализ сказки, которую испытуемые должны сочинить, основан на *подходах эмоционально-образной терапии*, но не конкретизировано, каких именно (название/обозначение), не указано количество этих подходов и не обозначены их представители. Следовательно, данные о методологии предлагаемой к применению методики нельзя признать обоснованными. Согласно требованиям к пользователям психодиагностических средств, при работе с проективными техниками специалист должен учитывать концепцию, в рамках которой разрабатывалась методика, а также знать содержание контент-аналитической парадигмы, являющейся основанием для разработки данного типа методик [4; 7; 16; 31]. Применение проективных методик требует осознания их теоретической основы, в противном случае возрастает риск их неквалифицированного использования, что может привести к получению недостоверных данных и, как следствие, постановке ошибочных диагнозов [3; 7; 32].

А. Г. Лидерс, анализируя проблемы современной психодиагностики, указывает на типичные ошибки, присутствующие во вторичных публикациях методики, к числу которых относит отсутствие указаний на автора-разработчика, ссылки на первоначальную публикацию, возрастную и половую релевантность, описания проведен-

ных процедур стандартизации и валидизации (если таковая предполагается) и др., что, по его мнению, «делает невозможным проведение методики или существенно усложняет и ограничивает возможности ее применения» [11, с. 45–46]. Многие из указанных ошибок присущи анализируемой методике.

В частности, ни в одном из источников не представлено сведений об авторе-разработчике аналогового варианта методики. Однако в источниках № 1 и № 2 отмечается, что идея использования в качестве диагностической методики «Мой дракон» была взята из пособия М. Р. Григорьевой «Подросток в мире профессий», хотя ссылок на эту работу ни в одном из источников не представлено. Поиск указанного методического пособия для ознакомления с его содержанием и методикой оказался непродуктивным – доступ к оригиналу как в бумажном, так и в электронном вариантах в библиотеках отсутствует; книга не продается на маркетплейсах. Найдены только данные о том, что пособие вышло в 2009 г. в Волгограде (издательство «Учитель», объем – 175 страниц), а также место хранения работы («Донская библиотека», г. Ростов-на-Дону). Соответственно, понять, является ли М. Р. Григорьева автором методики, каков ее научно-профессиональный статус и достаточен ли он для разработки психодиагностической методики, какова история ее создания, целевое предназначение и другие важные для оценки диагностической состоятельности методики сведения, не представляется возможным.

В источниках № 1 и № 3 С. Л. Цветкова позиционирует методику как ее «апробацию», тогда как, по сути, представляет модифицированный вариант, включающий дополнение в виде задания «придумать сказку» и уточнение (представлено в аннотации и заключении источника № 3), что «применяется новая диагностическая методика».

Согласно профессиональной этике и нормативным требованиям к психодиагностическим процедурам, при внесении любых изменений в содержание методики или логику процесса диагностики, что, собственно, и является сутью понятия «модификация», вне зависимости от объема этих изменений, необходимо осуществление в полном объеме всех этапов, применяемых при создании новой методики [7; 11; 30; 32]. Соответственно, модификатор несет ответственность за предоставляемый специалистам «новый» вариант диагностического инструмента.

В источниках № 1 и № 2 указано, что данная методика должна *«помочь подросткам осознать наличие той или иной проблемы»*. Исходно диагностическая методика – это конкретная процедура, или система действий, предназначенная для получения информации о конкретном психическом свойстве у конкретного обследуемого (контингента респондентов) для решения определенных задач [7; 11; 16]. Диагностическое обследование в целом направлено преимущественно на регистрацию или оценку диагностических признаков и постановку психологического диагноза обследуемому (подростку), но не на помощь диагностируемому в осознании «той или иной» проблемы – это задача иных профессионально-психологических видов деятельности [21; 31]. Также в описании методики не обозначен характер проблем, которые могут быть выявлены в результате диагностики и которые подростку необходимо «осознать».

Отметим, что представленный в источнике № 3 материал озаглавлен как «Изучение копинг-поведения подростков и взрослых с помощью проектного метода “Мой дракон”». В этой связи возникает предположение о том, что методика направлена на выявление особенностей поведения подростков и взрослых в трудных жизненных

ситуациях. Однако подобным образом обозначена цель исследования (*«изучение особенностей поведения подростков и взрослых в проблемной социально-психологической ситуации»*) с применением данного диагностического инструмента, а не цель самой методики. К цели методики условно можно отнести несколько формулировок: в источниках № 1 и № 2 – определить *«степень готовности к решению проблемы, возможные сценарии и стратегии разрешения проблемы»*; в источнике № 3 – *«диагностика стратегий преодоления кризисных ситуаций», «выявление уже имеющихся жизненных сценариев и стратегий поведения ребенка», «ставшие привычными способами реагирования поведенческие стереотипы человека, либо базовый жизненный сценарий», «выявление состояний или отношений ребенка, о которых он не хочет говорить вслух»*.

Следует отметить, что столь обширный перечень целей методики вряд ли будет достижим в полном объеме, так как, во-первых, обозначено довольно значительное количество диагностируемых категорий (сценарии, стратегии, стереотипы, состояния и пр.), которые взаимосвязаны, но не синонимичны и не взаимозаменяемы; во-вторых, все категории обозначены формально, им не дается *точного* определения, в том числе и различительных характеристик; в-третьих, не заданы дескрипторы, позволяющие четко определить диагностируемые показатели.

Кроме того, периодически употребляемое существительное «ребенок» указывает на категорию респондентов, которая может дать пользователю возможность проводить диагностику вне той возрастной аудитории, для которой изначально разрабатывалась методика. Так, в периодизации Д. Б. Эльконина возраст ребенка обозначается в диапазоне от 0 до 18 лет [34]. Можно ли в этом случае полагать, что данная методика подходит даже для диагностики детей раннего, дошкольного или младшего школьного возраста?

Автор-модификатор акцентирует внимание на том, что именно «диагностическая сказка» позволяет определить причины выбора определенных стратегий поведения (забегая вперед, отметим, что респондентам нужно нарисовать дракона и придумать про него сказку). Возникает закономерный вопрос: для чего тогда нужен рисунок дракона?

В целом не конкретизированная формулировка цели или ее полное отсутствие не соответствуют методологическим требованиям к диагностическому инструментарию, точному проведению методики, адекватной интерпретации результатов диагностики [7; 32]. Очевидно, что при получении недостоверных данных вероятен риск постановки ошибочных психологических диагнозов и формулирования неверных заключений.

Диагностический конструкт ни в одном из указанных источников не обозначен, поэтому невозможно определить, что может быть предметом диагностики, тем более что и цель методики сформулирована весьма обширно. Модификатор методики указывает, что дальнейший анализ сказки, которую респондентам нужно придумать про своего дракона, основан на подходах эмоционально-образной терапии. Можно предположить, что методика может быть направлена на определение исходной причины психологической проблемы или внутреннего конфликта для последующего реконструирования ее (причины) в образ и дальнейшую работу с ним. Но это остается лишь предположением, так как в методике не указывается предмет диагностики, следовательно, она не может быть применима на практике, поскольку определение области применения и возможностей методики становится невозможным [5; 11].

Диагностический конструкт – то, что, собственно, и позволяет выявить/измерить/описать методика – зачастую отражается в ее названии и обозначается в методическом руководстве к тесту [7; 11; 31]. Заметим, что метафорический смысл названия методики «Мой дракон» не информативен для определения диагностического конструкта. В источнике № 3 образ дракона интерпретируется как *символ жизненной проблемы*, однако, исходя из чего задается такая трактовка символа, автор публикации не обозначает. «Дракон» – мифическое существо, образ которого в историогенезе человечества встречается в мифах, легендах, фольклоре разных культур и исходно считается символом силы, мудрости, богатства и долголетия [26; 28; 29]. В настоящее время – это «один из универсальных и самых сложных символов, имеющих много часто противоречивых толкований» [35, с. 344]. Так, на Востоке дракон является символом власти, чести и благородства, обладает «силой созидательной и благоприятствующей человеку» [26, с. 363]. Он же считается «хранителем сокровищ и доступа к тайному знанию», «Силой Небесной, несущей благо, тогда как на Западе он рассматривается как разрушительная и злая сила» [35, с. 345]. В христианской культуре дракон – символ смерти, тьмы и дьявола [35, с. 346]. К. Г. Юнг, в частности, считал драконов и змей «символическими репрезентациями страха последствий нарушения табу и регрессии к инцесту», а также сравнивал дракона «с демоническим началом матери, победа над которым всегда носит временный характер» [36, с. 488]. Столь полярное толкование символа дракона не предоставляет возможности определить диагностический конструкт и конкретизировать показатели, которые можно выявить при применении предлагаемой проективной методики.

Традиционно содержание диагностического конструкта раскрывается описанием методической процедуры его определения и задается посредством операционализации и верификации ключевого понятия, что является обязательным требованием при разработке или модификации психодиагностической методики [2; 4; 7; 16]. Отсутствие указанных составляющих (операционализации, диагностического конструкта и пр.) характеризует методику как ненадежный инструмент для применения в психодиагностической практике.

Краткие исторические сведения о создании методики отсутствуют во всех рассматриваемых источниках. Это является нарушением одного из требований к созданию измерительных психологических процедур, предполагающих, что «в руководстве к тесту должна быть полностью описана процедура его создания: концептуальная основа, детали разработки заданий теста и их отбора, психометрическая проверка надежности и валидности и другие сведения» [7, с. 592]. Также ни в одном из рассматриваемых источников не обозначена область применения методики, что является следствием отсутствия предмета диагностики. К тому же методика находится в открытом доступе, что расширяет круг пользователей-непрофессионалов. Возможен также риск самодиагностики, которая, ввиду отсутствия у респондента психологических знаний, может привести к результатам, которые самостоятельно человек не способен адекватно интерпретировать. Использование данной методики пользователями, не имеющими соответствующего образования, повышает риск искаженной интерпретации данных и постановки неверного диагноза.

Во всех источниках отсутствует информация о выборочной совокупности, на которой «апробировалась»/применялась новая диагностическая методика «Мой дракон»», о ее возрастном диапазоне: не понятно, для какой конкретной возрастной ау-

дитории она разрабатывалась. Хотя при ознакомлении с методикой, представленной в рассматриваемых источниках, обозначены подростки, но не указаны конкретные возрастные границы. Этих сведений, однако, недостаточно, поскольку в возрастной психологии существуют различные периодизации. Кроме того, по требованиям методологии психодиагностики интерпретация результатов должна проводиться в соответствии с особенностями возрастного развития, тогда как диапазон возрастных границ в данных источниках не указан [7; 32]. Следует также отметить, что не конкретизировано, к каким группам подростков применима данная методика: из благополучной/неблагополучной семьи, из группы риска, с ОВЗ и т. д. Соответственно, применение методики на социальных группах, не соответствующих выборочной совокупности, может привести к неверной интерпретации результатов и неадекватному диагностическому заключению.

Примечательно также, что в источниках № 1 и № 3 методика идентично «применяется на детях и взрослых». Причем весьма информативно, что пособие (источник № 1) ориентировано на работу «с детьми, нуждающимися в социально-психологической помощи», тогда как сведения о «характерных особенностях» копинг-стратегий во всех публикациях обозначаются и по подросткам, и по взрослым (однако, какого возрастного диапазона каждая группа респондентов – не указывается).

Логика процесса диагностики во всех рассматриваемых нами источниках, представлена следующим образом: преамбула; само задание – нарисовать дракона; затем придумать сказку, отвечая на вопросы диагноста. Инструкция сформулирована в виде преамбулы и имеет некоторые различия. Так, в источниках № 1 и № 2 она представлена следующим образом: *«Все мы читали сказки, легенды о смелом воине, убивающем дракона или Змея Горыныча. Помните, как было страшно, когда богатырь отрубал одну голову, а на ее месте тут же вырастала другая? И, казалось, этому не будет конца. Дракон (Змей Горыныч) непобедим. Но слетела еще одна голова, и еще. И вдруг оказалось, что дракон обезглавлен, побежден. У каждого из нас есть свой дракон. Он появляется как маленький, почти безобидный дракоша, мы с ним живем, может даже играем, кормим его. Но, если его вовремя не уничтожить, он может вырасти и стать опасным для самого человека и всех его близких. Почти каждый из нас в один прекрасный момент решает избавиться от своего дракона. Но у того на месте отрубленной головы вырастает другая, потом третья. И мы часто отступаем. Не боремся с драконом, а приручаем его или стараемся “поселить” его как-нибудь так, чтобы его никто не заметил. И тогда остается только удивляться, почему из скромного тихого дома вдруг вырывается рык дикого зверя, а иногда даже вдруг качается земля. Самое обидное, что занятые своим драконом, мы не можем и не успеваем сделать больше ничего».*

В источнике № 3 инструкция представлена в сокращенном варианте: *«Все мы читали сказки о смелом воине, убивающем Дракона или Змея Горыныча. Помните, как это было страшно, когда богатырь отрубал одну голову, а на ее месте тут же вырастала другая? И, казалось, этому не будет конца. Дракон (Змей Горыныч) кажется непобедимым, но в результате различных усилий вдруг оказывалось, что дракон обезглавлен, побежден. У каждого из нас есть свой дракон. Он появляется как маленький, почти безобидный дракоша, мы привыкаем к нему, играем, но, если его вовремя не уничтожить, он может вырасти и стать опасным для самого человека и всех его близких».* Формулировка некоторых фраз и предложений изменена (они выделены курсивом), однако это не влияет на общий смысл, предусмотренный в «преамбуле».

Вместе с тем довольно трудно определить, что заложено и автором, и модификатором методики в образ дракона – фобии (страхи), самоконтроль, аутоагрессия и пр.? Если предположить, что дракон и его головы – это различные страхи, то полное «обезглавливание дракона» психологически чревато, поскольку страх является одним из защитных механизмов человека [2; 10; 17; 37], соответственно, его отсутствие «свидетельствует о неспособности психики защищать себя от нежелательных воздействий» [6, с. 152]. Именно поэтому в работе со страхами очень важна информация об адресной группе, ее конкретных возрастных границах, обозначение требований к квалификации и уровню подготовки диагноста-пользователя, которые в рассматриваемых источниках отсутствуют.

После прочтения преамбулы предлагается нарисовать дракона и придумать про него сказку, отвечая на следующие вопросы: 1. *Откуда взялся ваш дракон?* 2. *Сколько ему лет? Как давно он у тебя?* 3. *Что ты будешь с ним делать? Хочешь ли избавиться от него? Будешь ли ты с ним бороться?* 4. *Нужны ли тебе помощники?* 5. *Как будет проходить битва?* 6. *Чем все закончится?* Формулировка вопросов во всех источниках не различается.

Во всех анализируемых публикациях само задание (нарисовать дракона и придумать про него сказку) является понятным. Вместе с тем, на наш взгляд, преамбула требует доработки, поскольку понимание того, кто такой «внутренний дракон», позволит получить более информативные результаты.

Как было отмечено выше, после прочтения инструкции диагностируемому предлагается нарисовать дракона. Интерпретация рисунка не различается во всех трех источниках. Анализ рисунка производится по четырем критериям.

1. *Его размер, указывающий, насколько тяжело воспринимается ребенком проблемная ситуация, какую площадь листочка занимает изображение самого дракона.*

Судя по наличию данного критерия, проблемная ситуация, видимо, обязательно должна быть у всех? Можно полагать, что маленький размер рисунка свидетельствует о малозначимой проблеме или ее отсутствии. Забегая вперед, отметим, что, ознакомившись с остальными критериями оценки, возникает вопрос о том, как интерпретировать размер рисунка в соответствии с другими показателями. О чем может говорить, например, изображение злого дракона с семью-девятью головами, если рисунок маленького размера? Скорее всего, этот вопрос останется без ответа. Заметим, что не указан размер листа (А3, А4, А5), тогда как размер рисунка должен рассматриваться в соответствии с размером предложенного для выполнения задания бумажного листа. Отсутствие этих данных может привести к нарушению правил проведения диагностики, а также неверной интерпретации полученных результатов. Кроме того, заданная интерпретация размера рисунка не учитывает специфики леворуких и праворуких детей [1; 15]. В целом отсутствуют как иллюстративные примеры рисунков, так и их описание, что дает пользователям возможность интерпретировать результаты в свободной форме, в связи с чем возрастает вероятность формулирования ошибочного заключения.

2. *Количество голов у дракона. Чем больше голов, тем больше проблемных ситуаций в жизни подростка.*

Насколько объективизирован данный критерий, никак не разъясняется, что вызывает сомнение в том, действительно ли количество голов связано с проблемными ситуациями? Можно полагать, что у ребенка нет проблемных ситуаций и его состояние в норме, если он не станет рисовать дракона или нарисует его без головы?

Кроме того, подростковый возраст в целом является проблемным, поскольку характеризуется выраженной эмоциональной неустойчивостью и противоречивостью поведения, поэтому наличие проблем для подросткового возраста является закономерным явлением [2; 17; 34]. Дракон (в том числе и Змей Горыныч) является мифологическим персонажем, и это может стать первой ассоциацией при выполнении рисунка. К тому же в преамбуле говорится о непобедимом драконе с бесконечным количеством голов, что может привести подростка к предположению о том, как будет интерпретироваться рисунок, а также сформировать установку на невозможность «победить» дракона.

3. *Поворот головы. Голова, повернутая влево, согласно интерпретации методики «Несуществующее животное», может указывать, что проблемная ситуация проживалась в прошлом. Голова, повернутая вправо – тревожное ожидание проблем в будущем, голова, смотрящая прямо – возможно, подросток переживает проблемный момент в данное время.*

Во-первых, интерпретация дается по другой проективной методике – «Несуществующее животное», которая не обладает необходимой диагностической информативностью [13; 33]. Во-вторых, в данной интерпретации, так же как и при оценке по первому критерию, не учитываются психологические особенности леворуких и праворуких детей, в частности, по показателю «сдвиг рисунка вправо/влево» [15, с. 272]. Следовательно, интерпретация по данному показателю может дать пользователю неверные сведения, что также приведет к формулировке ошибочного заключения.

4. *Характер изображения: детский, несерьезный, агрессивный, пугливый, встревоженный и пр. указывает на характер проживания данной проблемы.*

Заметим, что агрессивный характер изображения может быть обусловлен тем, что дракон – исходно агрессивный персонаж. Кроме того, не заданы различительные признаки трактовки «детский» и «несерьезный», «пугливый» и «встревоженный», да и в целом определить характер изображения затруднительно, поскольку отсутствуют иллюстративные примеры рисунков, а также адекватные критерии и показатели для их оценки. Формулировка «и пр.» может привести к «свободной» трактовке и дать пользователям возможность субъективно интерпретировать данные или способствовать «шаблонному толкованию» именно в силу отсутствия различительных признаков трактовки. Не обозначено, что автор/модификатор понимает под «характером проживания данной проблемы», или он идентичен «характеру изображения»? Отсутствуют показатели анализа детализации рисунка (например, если на рисунке изображен дракон, извергающий пламя, то о чем это может свидетельствовать?). Следовательно, у пользователя может отсутствовать понимание не только того, как интерпретировать указанные детали и фрагменты рисунка, но и обобщать полученную информацию, что также приводит к недостоверным результатам при интерпретации диагностических данных.

Примечательно, что в источниках № 1 и № 2 указывается, что проанализировать рисунок *предлагается самому ребенку*, что совершенно недопустимо по требованиям к процедуре психодиагностики и обработки данных [7; 16], особенно когда предполагается дальнейшая работа с подростком.

Далее во всех источниках задается интерпретация сказки, которую должен придумать испытуемый, отвечая на предложенные вопросы.

1. *Анализ ответов на вопрос: «Откуда взялся ваш дракон?» показывает, что наиболее типичные ответы можно разделить на несколько групп.*

Ответы «Он родился вместе со мной», «из яйца», «мама, папа подарили», «из гнезда» указывают, что ребенок приобрел какую-то проблему в момент рождения: вина, страхи, установки, ожидания родителей и пр. могут быть причиной многих проблем личностного роста ребенка. Часто дети представляют дракона, появившегося из-за гор, либо он живет в горах. В этом случае следует обратить внимание на отношения с отцом ребенка, так как горы – это символ отца.

Действительно, вина, страхи и установки могут затруднять личностный рост ребенка. В перинатальной психологии утверждается, что «в момент рождения ребенок испытывает сильный стресс и в первые минуты жизни происходит получение первичного постнатального опыта», но не вины, страха или каких-либо установок [9, с. 114]. Установки формируются на основе личного опыта или перенимаются у других людей. Для того чтобы перенять установку у другого человека, нужно, прежде всего, понимать речь, а понимание речи взрослого начинается в первом полугодии жизни, но никак не в момент рождения. К тому же возникает вопрос: как данная интерпретация согласуется с целью исследования? На данном этапе анализа все еще не понятно, что подразумевается под «той или иной проблемой» или «ситуациями, о которых ребенок не хочет говорить». И действительно ли стоит говорить подростку напрямую (помочь в осознании) о том, что он столкнулся с проблемами личностного роста?

В модифицированном варианте горы интерпретируются как символ отца, однако в классических словарях символов такая трактовка отсутствует [26; 28; 35]. Например, в словаре символов Дж. Тресиддера горы трактуются как «духовная высота и центр мира, место соприкосновения неба и земли, символ превосходства, вечности, чистоты, постоянства, подъема, устремленности, вызова» [23, с. 40–41].

По К. Г. Юнгу, образ горы, рассматриваемый как мощный архетип, с позиции символики трактуется как личностный рост, индивидуация (независимость и самостоятельность) и духовное восхождение [36]. Во многих культурах горы считаются символом силы и стабильности, преодоления препятствий [26; 28; 35]. Следует отметить, что символическая интерпретация будет различной в зависимости от культурного контекста и личного опыта человека. Очевидно, являясь многогранным символом, образ горы/гор может иметь разный смысл для каждого человека, отражая его намерения и интересы, уникальный жизненный опыт и социально-психологический путь.

Поскольку при описании трактовки присутствует формулировка «следует обратить внимание», то данное утверждение можно считать рекомендательным. Соответственно, необходимо задавать уточняющие вопросы и проводить беседу с испытуемым.

Ответы «встретил на улице», «нашел в лесу», «он на меня напал в переулке» и пр. указывают, что ребенок испытывает проблемы в общении с окружающими людьми, принятии его в обществе, переживает конфликтные ситуации со сверстниками.

Подросток может переживать конфликтные ситуации не только со сверстниками, но и со взрослыми, что в целом является нормой для данного возрастного периода, однако модификатор методики данную особенность не учитывает и не рассматривает в интерпретации.

Ответы «из другого мира», «из других стран», «взял у друга» и пр. могут указывать на то, что проблема не своя, а чужая, но ребенок ее воспринимает как свою собственную.

Заметим, что модификатор методики не разъясняет, исходя из каких теоретических позиций задается такая трактовка. Подобные ответы могут быть плодом воображения ребенка, ведь изначально предлагается придумать сказку. Элементы сказки, которые использует подросток, могут быть взяты и из художественной литературы, видеоигр или кинематографа. На основе этих ответов невозможно сделать объективного вывода о том, что подросток испытывает проблемы в общении или воспринимает чужую проблему как собственную. Также следует отметить, что работать с подобной проблемой должен специалист с глубокими знаниями и опытом в соответствующей области психологии (например, в психоанализе, арт-терапии, логотерапии), поскольку, во-первых, нужно быть убежденным в том, что подросток действительно воспринимает чужую проблему как собственную, а во-вторых, разработка подходов к решению данной проблемы лежит вне полномочий школьного психолога.

2. *Ответ на вопрос: «Сколько лет твоему дракону? Как давно он у тебя», указывает на время, когда произошла психотравмирующая ситуация, конфликт, болезнь, ситуация семейного кризиса и пр.*

Как видим, тип ситуации (проблемы) четко не определяется, тогда как конфликт, болезнь, семейный кризис – это не одно и то же, но все это может являться психотравмирующей ситуацией. Заметим, что в источниках № 1 и № 2 указывается на «наличие той или иной проблемной ситуации», а в источнике № 3 речь идет про выявление «уже имеющихся жизненных сценариев и стратегий поведения ребенка», «ставших привычными способов реагирования поведенческих стереотипов человека, либо базовых жизненных сценариев», «состояний или отношений ребенка, о которых он не хочет говорить вслух». Интерпретация данных, которая во всех источниках не имеет кардинальных различий, дает основание предположить, что с помощью данной методики пользователь может диагностировать практически все, включая заболевания и психосоматическую симптоматику. Возникает вопрос: что же на самом деле выявляет предлагаемая методика? Данный вопрос является закономерным, поскольку, как нами отмечалось выше, предмет диагностики не определен ни в одном из анализируемых нами источников.

Далее в интерпретации отмечается: *так, практика показывает, что подростки достаточно точно определяют событие, связанное с числом, которое они неосознанно указали как возраст дракона*. Однако, не понятно, чья практика позволяет сделать такой вывод – самого модификатора методики или какого-то количества школьных психологов? Эта информация формально констатируется, но не подтверждается ссылками на источники, данными исследований или примерами из собственной практики. Следовательно, нельзя наверняка утверждать, что подростки действительно точно могут определить время, когда произошло психотравмирующее событие, тогда как закономерно возникает вопрос о том, произошло ли оно в действительности и именно в то время, которое обозначил подросток.

Бывает, что возраст указывается меньше, чем сам автор сказки, тогда психотравмирующее событие определить достаточно просто. Необходимо лишь вспомнить, что было столько, сколько указано лет, месяцев или дней назад.

В первую очередь необходимо обратить внимание на формулировку «вспомнить, что было столько, сколько указано лет, месяцев или дней назад». Приходится перечитывать предложение несколько раз, чтобы понять, что нужно сделать.

Важно отметить, что одним из механизмов психологической защиты является вытеснение, которое проявляется в немотивированном забывании или игнорирова-

нии события [27]. Если психика вытесняет какой-то травмирующий опыт, то человеку довольно сложно (а иногда и невозможно, когда, например, диагностируемому 14 лет, а его дракону – 13) вспомнить, что было несколько лет назад. Заметим, что в источниках № 1 и № 2 указывалось на проблемы и трудные ситуации, но ничего не говорилось о психотравмах, и если в источнике № 3 цель («выявление состояний или отношений ребенка, о которых он не хочет говорить») можно соотнести с психотравмами, то цель, обозначенную в источниках № 1 и № 2, сопоставить с данной интерпретацией невозможно.

Бывает, что возраст указывается старше, чем сам автор, тогда есть повод провести дополнительные исследования в семейно-родовой системе.

Рекомендации обратиться к исследованию «семейно-родовой системы» весьма сомнительны по ряду причин. Во-первых, так как в описании не уточняется, о каком варианте исследования семейно-родовой системы идет речь («Путь Рода», «Расстановка Рода» или другие?), то можно предположить, что имеется в виду психологическая техника «*системно-семейных расстановок*» («семейно-родовые расстановки»), которая в профессиональном сообществе небезосновательно считается псевдонаучной [8; 22]. Во-вторых, владение любой психотехникой предполагает наличие документа о соответствующем образовании (специализации, профессиональной переподготовке и пр.) и достаточного опыта работы в этой области практики [5; 21]. В-третьих, и это главное, проведение обозначенного исследования не входит в компетенцию школьного психолога [3; 14].

Возможно, что в данном случае наблюдается перенос чувств от родственников к ребенку. В этом случае необходимо дополнительно обыграть ситуацию, представив того, кто «передал» Дракона (мужчина, женщина, бабушка, дедушка и пр.).

Так называемое «обыгрывание ситуации», по всей видимости, предполагает формулировку уточняющего вопроса. Кроме того, если это действительно перенос, то выстроить доверительные отношения с подростком как в процессе диагностики, так и в процессе дальнейшей работы будет проблематично, поскольку диагност будет восприниматься как родитель. Важно и то, что дракон – вымышленный персонаж и одним из заданий методики является создание сказки, поэтому ответ «мне его передал мужчина, женщина, старик и т. д.» не обязательно свидетельствует о «переносе чувств от родственников к ребенку».

Необходимо отметить, что данный этап самый сложный в эмоциональном плане для ребенка, но при успешном его прохождении, при осознании своей проблемы, подростки достаточно быстро и успешно проходят процесс коррекции в дополнительной индивидуальной работе и легко отрабатывают проблему.

При прочтении данного фрагмента интерпретации возникает ряд вопросов: 1) что имеется в виду под «данном этапом» – период подростничества или интерпретации результатов? 2) по каким признакам определяется, что подростки осознали свою проблему? 3) на что направлен процесс коррекции? 4) все ли подростковые проблемы поддаются осознанию, коррекции и отработке? 5) все ли проблемы подростка необходимо корректировать? 6) чем подтверждаются сведения о том, что при осознании проблемы «*подростки быстро и успешно проходят процесс коррекции*»? Немаловажно, что согласно приказу Министерства труда и социальной защиты «Об утверждении профессионального стандарта “Педагог-психолог (психолог в сфере образования)”» к трудовым действиям педагога-психолога, связанным с коррекционно-развивающей работой, относятся: 1) «разработка и реализация планов про-

ведения коррекционно-развивающих занятий для детей и обучающихся, направленных на развитие интеллектуальной, эмоционально-волевой сферы, познавательных процессов, снятие тревожности, решение проблем в сфере общения, преодоление проблем в общении и поведении»; 2) «организация и совместное осуществление педагогами, учителями-дефектологами, учителями-логопедами, социальными педагогами психолого-педагогической коррекции выявленных в психическом развитии детей и обучающихся недостатков, нарушений социализации и адаптации» [12]. Это означает, что работа с психотравмами, страхами, переносом чувств и пр. должна проводиться другим специалистом, например нейропсихологом или психотерапевтом. Следовательно, быть уверенными в том, что подростки *«быстро и успешно»* проходят процесс коррекции, мы не можем, как и утверждать о скорости прохождения коррекции, поскольку неизвестно (и не предлагается определять), насколько психотравмирующее событие повлияло на ребенка.

3. Вопросы: *«Что ты будешь с ним делать? Хочешь ли избавиться от него? Будешь ли ты с ним бороться?»* показывают готовность к решению ситуации, поиску путей избавления от проблемы. Как правило, подростки, особенно девочки, не очень хотят избавляться от дракона, они его жалеют даже тогда, когда дракон начинает мешать и подавлять хозяина. Тогда они его просто прячут, закрывают в клетки, сдают в зоопарк, но существовать он не перестает, даже если он не мешает, тем не менее требует дополнительного ухода. Лишь малая часть людей сразу решается прогнать, убить, уничтожить. Замечено, что те, кто борется, избавляется от дракона, в конце работы чувствуют заметное облегчение, те же, кто жалеет, улучшения состояния не отмечают.

Напомним, что символика образа дракона амбивалентна и полиэлементна [23; 26; 28; 35; 36]. Что же тогда конкретно предполагается выявлять и регистрировать?

Заметим также, что показатели и способ фиксации улучшения состояния не указаны, как и отсутствуют ссылки на источники или данные исследований, которые могут подтвердить обозначенную в интерпретации информацию. Поскольку трудноопределимо, что выявляет данная методика, остановимся на примере работы со страхами. Как утверждает Е. Ю. Петрова, страх не должен рассматриваться как что-то «избыточное», от чего надо избавляться [19]. Соответственно, техника со сжиганием страхов, как наиболее часто применяемая, не является «магическим действием», и если использовать ее как способ «уничтожения страха», то она может и не дать никакого результата, а в некоторых случаях даже привести к ухудшению состояния (например, если бумага была очень плотной и трудно поддавалась сжиганию). Сжигание страха является скорее способом разрядки накопившегося напряжения, а не избавлением от него. К тому же данный способ не является универсальным, поскольку страх может быть естественным (защитный механизм) или онтогенетически фиксированным (нормативный) [10; 17].

Бывает, что подростки «приручают» своего дракона, тогда мы говорим о том, что проблему подросток обернул себе на пользу, как защитный механизм, который позволяет уменьшить силу переживаний.

Данный способ работы со страхом, трудностями и пр., на наш взгляд, является достаточно рациональным. Следует отметить, что важно не просто «приручить» дракона, а помочь подростку в восстановлении ресурса и трансформации страхов/трудностей в точки роста. Однако, как мы отметили выше, работать с ребенком должен высококвалифицированный психолог, специализирующийся в области детской психотерапии.

На этом интерпретация сказки заканчивается. Исходя из формулировок оставшихся вопросов, можно понять, что «битва со своим драконом» – это завершающий этап работы с данной методикой. Ответы на данные вопросы свидетельствуют о том, как подросток хотел бы справиться с проблемой, что может помочь выстроить план дальнейшей работы с ним. В источнике № 3 указано, что диагностическая сказка предполагает «выявление уже имеющихся жизненных сценариев и стратегий поведения ребенка», следовательно, без интерпретации вопросов 4–6 невозможно сделать вывод о жизненных сценариях и стратегиях поведения подростка. В целом интерпретацию рисунка и сказки в анализируемых нами источниках можно считать неполной, недостаточно содержательной, требующей значительных доработок.

Напомним, что по задумке модификатора методика должна *«помочь подросткам осознать наличие той или иной проблемы»*, однако ни один из показателей интерпретации и рисунка, и сказки не отражает каких бы то ни было характеристик, указывающих на осознание проблемы подростком.

Далее во всех источниках перечисляют характерные особенности, выявленные в ходе работы с проективной методикой «Мой дракон».

1. *Наблюдаются существенные отличия в результатах по гендерной характеристике (мужчины и женщины, девочки и мальчики), тогда как по возрастной характеристике больших отличий нет.*

В этой части также отсутствует информация о том, на основе чьей работы с данной методикой были выявлены обозначенные особенности: самого модификатора методики или же школьных психологов. В источниках № 1 и № 2 возрастная категория обозначалась как «подросток» или «ребенок», а, судя по обозначенным особенностям, анализируемая методика «Мой дракон» применима и к другим возрастным категориям. Или пользователи в ходе работы с данной методикой пренебрегали требованиями, предъявляемыми к адресной группе при проведении диагностики?

Следует обратить внимание и на то, что во всех источниках при обозначении различий по «гендерной характеристике» представляются различия по половому признаку, тогда как «гендер» и «пол» – это не синонимы и не взаимозаменяемые, а взаимодополняющие понятия.

2. *Подростки воспринимают проблемные ситуации как появившиеся в обществе, среди других людей.*

Эта особенность вызывает ряд вопросов: какое отношение чужие проблемы имеют к переживаниям подростка, особенно в контексте последующей коррекции? для чего нужна интерпретация ответов «он родился вместе со мной» или пришел «из другого мира» и поддаются ли подобные проблемы коррекции?

Указанный вывод, на наш взгляд, дает основание полагать наличие одинаковых ответов у подростков, что, конечно же, не вызывает доверия.

Женщины в большинстве воспринимают как личную, душевную проблему или внезапно появившуюся неизвестно откуда, а мужчины и мальчики соотносят проблемы с реальной жизненной ситуацией.

На основе этой информации возникает предположение о предпочтении диагностируемыми определенным способом в «борьбе» с драконом. Можно полагать, если для женщин проблема появилась «из неоткуда», то она может также уйти «в никуда». Но если проблемная ситуация негативно сказывается на эмоциональном благополучии женщин, то как им помочь? Отсутствует информация о том, как воспринимают проблему девочки – так же как женщины или вообще не считают

ее проблемой? Поскольку мужчины и мальчики соотносят проблемы с событиями в жизни, то им, видимо, намного проще понять, откуда взялась проблема, и выстроить план действий для ее решения?

3. *Как правило, девочки и женщины стараются решать возникшие проблемы самостоятельно, редко прибегая к помощи других, тогда как практически все мальчики и мужчины ищут себе помощников.*

Очевидно, если женщины и девочки стараются сами решать проблемы, то после диагностики им не понадобится помощь специалиста, даже, видимо, и в случае, когда в ходе диагностики выяснится, что проблема заключается в психотравме?

Кроме того, при интерпретации ответов на вопросы в описании методики отмечается, что *«девочки не очень хотят избавляться от дракона... они его просто прячут, закрывают в клетки, сдают в зоопарк, но существовать он не перестает»*. Можно ли считать такие способы решения девочками возникших проблем продуктивными, ведь их «самостоятельность» представляет собой либо изоляцию аффекта, либо отстранение от проблемной ситуации (в форме самообмана, что проблема разрешилась или самоустранилась), либо сброс личных проблем на других. Следовательно, вывод о том, что девочки «редко прибегают к помощи других», нельзя признать обоснованным, а обозначенные особенности объективными.

4. *В разрешении проблемы женщины больше надеются на то, что ситуация разрешится сама по себе: либо угроза уйдет сама, либо они «подружатся» с проблемой. Мальчики предпочитают не избавляться от проблемы, а спрятать ее подальше. Мужчины же все надеются на разрешение ситуации.*

При внимательном прочтении можно увидеть, что обозначенные выводы довольно противоречивы. Так, получается, что женщины стараются решать проблемы самостоятельно и в то же самое время ждут, пока ситуация разрешится сама по себе? Что означает «подружиться» с проблемой – сделать вид, что ее не существует? Или актуализировать мазохистскую способность, сознательно причиняя себе вред «дружбой» с негативной ситуацией и/или ее влиянием, дополнительно нанося себе психологическую травму? А мальчики и мужчины не решают свои проблемы даже с помощью других? Если мужчины надеются, что ситуация или проблема разрешится сама собой, то они действуют как женщины или как-то иначе? Вывод о том, что «мальчики предпочитают не избавляться от проблемы, а спрятать ее подальше», также свидетельствует об идентичности их стратегии с механизмами, свойственными девочкам (п. 3 характерных особенностей). Поэтому вызывает сомнение, что представленные «характерные особенности» действительно могли быть выявлены в ходе работы с методикой.

Примечательно, что в источнике № 3 название апеллирует к изучению копинг-поведения, тогда как при описании «характерных особенностей» автор публикации не конкретизирует их типы. Причем, обозначая, что *«под “копингом” подразумеваются постоянно изменяющиеся поведенческие попытки справиться с внешними или/и внутренними требованиями, которые оцениваются как напряжение или превышают ресурсы человека с ними справиться»*, С. Л. Цветкова описывает эти особенности как устойчивые и неизменные. Однако, по мысли С. Chabert [37], если попытаться определить проблемы, присущие самим процессам жизни, то важно учитывать и необходимость перестроек, налагаемых сначала развитием, а затем изменениями, определяемыми подростковым возрастом и вступлением во взрослую жизнь. Причем течение времени предполагает как преемственность модальностей

саморепрезентации, в том числе и тех, которые лежат в основе отношений с другим, так и мобилизацию механизмов, подразумевающих изменение [37]. Очевидно, что при интерпретации данных необходимо учитывать и инвариантные, и вариативные стратегии копинг-поведения, тем более что и символика дракона обладает дихотомическим смыслом.

Ни в одном из указанных источников данные о надежности методики «Мой дракон» не указаны, поэтому результаты, полученные с ее помощью, являются крайне сомнительными и не вызывают доверия в целом. Вполне очевидно, что методика является психометрически несостоятельной.

Требования к диагносту в описании методики также не указаны, несмотря на значимость определенного уровня профессиональной компетентности в области проективной психологии [5; 7; 14; 20]. В ходе анализа методики, представленной в рассматриваемых источниках, выявлено, что предмет диагностики относится либо к категории страха, либо психотравм человека. Поэтому квалификация пользователя должна быть очень высокой как при проведении обследования, так и при интерпретации данных, поскольку есть риск получить ошибочные или ятрогенные результаты.

К достоинствам методики можно отнести простоту и доступность для понимания инструкции и выполнения заданий. Говоря о недостатках, следует отметить, что их довольно много (включая орфографические, грамматические, синтаксические, пунктуационные ошибки в описании методики, например *«вырываются рык»*, *«о сме-лом войне»*, *«малая часть людей сразу решаются прогнать»*, *«те же, кто жалеет, улучшение состояния не отмечают»* и др.), и они в совокупности свидетельствуют о методологической некорректности диагностического инструментария.

Подводя краткий итог содержательного анализа, необходимо отметить, что проективная методика «Мой дракон» не может быть признана методологически и методически состоятельной и пригодной к практическому применению в диагностической деятельности. Результаты, полученные при применении данной методики, включая их интерпретацию, окажутся недостоверными. Методика является, скорее, арт-терапевтической, и ее применение в работе с подростками требует высокопрофессиональной подготовки специалиста, подтверждаемой наличием документа о соответствующем образовании, а не просто прочтения различных, в том числе и рассмотренных нами, источников. Чтобы изучаемая методика стала диагностически конгруэнтным психологическим средством, она требует качественной методологической доработки с учетом ее символической основы.

В целом анализ дискурса, представленного в отношении проективной методики «Мой дракон», убедительно свидетельствует, что нарушение нормативных (процедурных и этических) принципов психодиагностики, включая создание и применение диагностических процедур и результатов, полученных при их использовании, становится не только распространенным, но уже и традиционным явлением в педагогической, психологической, социальной практике. Несмотря на то, что специалисты психологического профиля уполномочены лично препятствовать некорректному и неэтичному применению психодиагностики [7; 16; 30; 32], многие из них не готовы принимать на себя такую профессиональную ответственность.

Список источников

1. Аникина Е. А., Белобрыкина О. А. Особенности рисунков леворуких и праворуких детей // Наука и образование: XVI Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященная 110-летию ТГПУ: в 5 т. Т. 3: Педагогика и психология. Ч. 2: Психология, связи с общественностью, реклама / науч. ред.: Л. В. Ахметова и др. Томск: Изд-во ТГПУ, 2012. С. 91–95.
2. Белобрыкина М. А., Белобрыкина О. А. Психологические особенности подростков с компенсаторным типом адаптации к социуму // Филология и культура. 2014. № 1 (35). С. 312–321.
3. Белобрыкина О. А., Васина Е. В. Влияние инновационных процессов на специфику создания проективных методик в современной практике психодиагностики // Инновации в медицине, психологии и педагогике: материалы VII Международной научно-практической конференции (Вьетнам, Муй Нэ) / под науч. ред. М. Г. Чухровой, О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Немо Пресс, 2016. С. 273–281.
4. Белобрыкина О. А., Лемасова Н. С. К поиску алгоритма объективизации «Объективных методов» в современной российской психологической практике // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 2. С. 80–99.
5. Белобрыкина О. А., Ожеховская Л. В. К вопросу о критериях и оценке профессиональной деятельности педагога-психолога как психодиагноста (на примере использования проективных методик) // Проблемы современной школы и пути их решения: материалы всероссийской (с международным участием) конференции / науч. ред. С. И. Ануфриев, Л. В. Ахметова. Томск: Изд. ТЦНТИ, 2007. С. 197–214.
6. Борисова Н. А., Белобрыкина О. А., Гейдебрехт Н. А., Штайц Т. К. Школьная тревожность: противоречия диагностики (на примере анализа методики Б. Филлипса) // РЕМ: Psychology. Educology. Medicine. 2016. № 2. С. 123–165.
7. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб.: Питер, 2007. 688 с.
8. Вершинин М. В., Волков Е. Н. Воображариум «доктора» Хеллингера [Электронный ресурс] // Наша психология. 2013. № 3 (71). URL: <https://www.psych.ru/voobrazharium-doktora-hellinger/> (дата обращения: 22.10.2024).
9. Добряков И. В. Перинатальная психология. СПб.: Питер, 2010. 234 с.
10. Захаров А. И. Ночные и дневные страхи у детей. СПб.: СОЮЗ, 2000. 448 с.
11. Лидерс А. Г. О культуре публикаций психодиагностических методик // Психологическая диагностика. 2003. № 2. С. 44–53.
12. Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)»: приказ Министерства труда и социальной защиты от 24 июля 2015 г. № 514н [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185098/1d5a331e22b04694fd4ed9299de5f0008af6c799/ (дата обращения: 12.10.2024).
13. Ожеховская Л. В., Белобрыкина О. А. Профессиональная оценка проективной методики «Рисунок несуществующего животного» // Вестник практической психологии образования. 2008. № 1 (14). С. 103–114.
14. Ожеховская Л. В., Белобрыкина О. А. Диагностический инструментарий в работе психолога: проблемы и парадоксы (на примере современной практики психологов г. Новосибирска) // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 92–113.
15. Оршацкая С. В., Белобрыкина О. А. Компаративные дескрипторы рисунков праворуких и леворуких детей и их место в проективной диагностике // Международная научная школа «Парадигма». Лято-2015: в 8 т. Т. 4: Психология: сборник научных статей / под ред. А. В. Берлов, Л. Ф. Чупров. Варна: ЦНИИ «Парадигма», 2015. С. 267–276.
16. Основы психодиагностики / под общ. ред. А. Г. Шмелева. Ростов н/Д: Феникс, 1996. 544 с.

17. Осорина М. В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. СПб.: Питер, 2021. 448 с.
18. Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М.: Большая российская энциклопедия, 2009. 527 с.
19. Петрова Е. Ю. 8 страхов и психологическое вмешательство [Электронный ресурс]. URL: <https://psy.su/feed/6301/> (дата обращения: 20.09.2024).
20. Проективная психология / науч. ред. Р. Римская, И. Кириллов. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 528 с.
21. Ребер А. Большой толковый психологический словарь: в 2 т. М.: Вече: АСТ, 2000.
22. Румянцева Е. Семейные расстановки Берта Хеллингера: разоблачение лженаучного метода [Электронный ресурс] // Психопоиск. 2018. URL: <https://psychosearch.ru/teoriya/psevdopsikhologiya/534-semejnye-rasstanovki-berta-khellingera-razoblachenie-lzhenauchnogo-metoda> (дата обращения: 20.10.2024).
23. Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: Фаир-Пресс, 1999. 448 с.
24. Устинова Ю. П., Белобрыкина О. А. Диагностический ширпотреб: проблема проективной популяристики в современном информационном пространстве // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2017. № 3. С. 89–100.
25. Устинов В. П. Разработка психодиагностических методик и их применение в эмпирических исследованиях. Иркутск: Изд. ИГУ, 2004. 103 с.
26. Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов. М.: Вече, 1997. 512 с.
27. Фрейд З. Вытеснение // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Фирма СТД, 2006. С. 79–110.
28. Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М.: Крон-Пресс, 1999. 655 с.
29. Холл М. П. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии / пер. с англ. В. В. Целищева. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007. 864 с.
30. Чупров Л. Ф. Психологическая диагностика в работе практического психолога // Вестник практической психологии образования. 2009. Т. 6, № 3. С. 111–115.
31. Чупров Л. Ф. Психологическая диагностика в работе практического психолога // Вестник практической психологии образования. 2009. Т. 6, № 4. С. 124–127.
32. Шмелев А. Г. Тестология – это не только психометрические тесты // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2019. № 4. С. 61–75.
33. Щербатых Ю. В., Ермоленко П. И. Оценка валидности проективного теста «Рисунок несуществующего животного» // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2016. № 4. С. 118–125.
34. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 32–39.
35. Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2008. 1007 с.
36. Юнг К. Г. Символы трансформации. М.: АСТ, 2008. 731 с.
37. Chabert C. Psychanalyse et methodes projectives. Paris: Dunod, 2018. 176 p.
38. Frydenberg E., Lewis R. Teaching coping to adolescents: When and to whom? // American Educational Research Journal. 2000. Vol. 37, Issue 3. Pp. 727–745. DOI: <https://doi.org/10.2307/1163487>
39. Lilienfeld S. O., Wood J. M., Garb H. N. The scientific status of projective techniques // Psychological Science in the Public Interest. 2000. Vol. 1, Issue 2. Pp. 27–66. DOI: <https://doi.org/10.1111/1529-1006.002>
40. Meyer G. J., Finn S. E., Eyde L. D., et al. Psychological testing and psychological assessment: A review of evidence and issues // American Psychologist. 2001. Vol. 56, Issue 2. Pp. 128–165. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.56.2.128>
41. Piotrowski C. Projective techniques usage worldwide: A review of applied settings 1995–2015 [Электронный ресурс] // Journal of the Indian Academy of Applied

Psychology. 2015. Vol. 41, Issue 3. Pp. 9–19. URL: https://www.researchgate.net/publication/273004208_Projective_techniques_usage_worldwide_A_review_of_applied_settings (дата обращения: 10.10.2024).

References

1. Anikina E. A., Belobrykina O. A. Features of drawings of left-handed and right-handed children. *Science and education: XVI International conference of students, graduate students and young scientists dedicated to the 110th anniversary of TSPU: in 5 volumes. Vol. 3: Pedagogy and psychology. Part 2: Psychology, public relations, advertising*. Scientific editors L. V. Akhmetova et al. Tomsk: Publishing House of Tomsk State Pedagogical University, 2012, pp. 91–95. (In Russian)
2. Belobrykina M. A., Belobrykina O. A. Psychological characteristics of adolescents with compensatory type of adaptation to society. *Philology and Culture*, 2014, no. 1 (35), pp. 312–321. (In Russian)
3. Belobrykina O. A., Vasina E. V. Influence of Innovative Processes on Specifics of Creation of Projective Techniques in Modern Practice of Psychodiagnostics. *Innovation in Psychology, Pedagogy & Medicine: Materials 7nd International Academic Conference (Vietnam, Mui Ne)*. Scientific editors M. G. CHuhrova, O. A. Belobrykina. Novosibirsk: Nemo Press Publ., 2016, pp. 273–281. (In Russian)
4. Belobrykina O. A., Lemyasova N. S. To Search of Algorithm of an Objectivization of “Objective Methods” in Modern Russian Psychological Practice. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*, 2016, no. 2, pp. 80–99. (In Russian)
5. Belobrykina O. A., Ozhekhovskaya L. V. To the Question of Criteria and Assessment of the Professional Activity of a Psychologist Teacher as a Psychodiagnost (Using Projective Methods as an Example). *Modern School Problems and the Ways of Solution: Files of All Russian Science and Practical Conference (with International Participation)*. Scientific editors S. I. Anufriev, L. V. Ahmetova. Tomsk, 2007, pp. 197–214. (In Russian)
6. Borisova N. A., Belobrykina O. A., Geydebrekht N. A., Schtaiz T. K. School anxiety: diagnostics contradictions (case of analysis of technique of B. Phillips). *PEM: Psychology. Educology. Medicine*, 2016, no. 2, pp. 123–165. (In Russian)
7. Burlachuk L. F., Morozov S. M. *Dictionary-reference on Psychodiagnostics*. Saint Petersburg: Piter Publ., 2007, 688 p. (In Russian)
8. Vershinin M. V., Volkov E. N. Imaginarium of “Doctor” Hellinger [Electronic resource]. *Our psychology*, 2013, no. 3 (71). URL: <https://www.psyh.ru/voobrazharium-doktora-hellinger/> (date of access: 22.10.2024). (In Russian)
9. Dobryakov I. V. *Perinatal psychology*. Saint Petersburg: Piter Publ., 2010, 234 p. (In Russian)
10. Zakharov A. I. *Night and daytime fears in children*. Saint Petersburg: SOYUZ Publ., 2000, 448 p. (In Russian)
11. Liders A. G. On the Culture of Publications of Psychodiagnostic Methods. *Psychological diagnostics*, 2003, no. 2, pp. 44–53. (In Russian)
12. On approval of the professional standard “Teacher-psychologist (psychologist in the field of education)”: order of the Ministry of Labor and Social Protection dated July 24, 2015 no. 514н. [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185098/1d5a331e22b04694fd4ed9299de5f0008af6c799/ (date of access: 12.10.2024). (In Russian)
13. Ozhekhovskaya L. V., Belobrykina O. A. Professional assessment of the projective technique “Drawing of a non-existent animal”. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2008, no. 1 (14), pp. 103–114. (In Russian)
14. Ozhekhovskaya L. V., Belobrykina O. A. Diagnostic tools in the work of a psychologist: problems and paradoxes (based on the example of modern practice of psychologists in Novosibirsk). *Psychological diagnostics*, 2006, no. 4, pp. 92–113. (In Russian)

15. Orshatskaya S. V., Belobrykina O. A. Comparative descriptors of drawings of right-handed and left-handed children and their place in projective diagnostics. *International Scientific School "Paradigm". Summer-2015*: in 8 vol. Vol. 4: Psychology: collection of scientific articles. Ed. A. V. Berlov, L. F. Chuprov. Varna: Central Research Institute "Paradigma", 2015, pp. 267–276. (In Russian)
16. *Fundamentals of psychodiagnostics* / edited by ed. A. G. Shmeleva. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 1996, 544 p. (In Russian)
17. Osorina M. V. *The secret world of children in the space of the world of adults*. Saint Petersburg: Piter Publ., 2021, 448 p. (In Russian)
18. *Pedagogical encyclopedic dictionary*. Chief ed. B. M. Bim-Bad. Moscow: Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya Publ., 2009, 527 p. (In Russian)
19. Petrova E. Yu. *8 fears and psychological intervention* [Electronic resource]. URL: <https://psy.su/feed/6301/> (date of access: 20.09.2024). (In Russian)
20. *Projective Psychology*. Scientific editors R. Rimskaya, I. Kirillov. Moscow: Eksmo-Press Publ., 2000, 528 p. (In Russian)
21. Reber A. *Large explanatory psychological dictionary*. In 2 vol. Moscow: Veche Publ.: AST Publ., 2000. (In Russian)
22. Rumyantseva E. Bert Hellinger's family constellations: exposing the pseudoscientific method [Electronic resource]. *Psychosearch*, 2018. URL: <https://psychosearch.ru/teoriya/psevdopsikhologiya/534-semejnye-rasstanovki-berta-khellinger-a-razoblachenie-lzhenauchnogo-metoda> (date of access: 20.10.2024). (In Russian)
23. Tresidder Dzh. *Symbol Dictionary*. Moscow: Fair-Press Publ., 1999, 448 p. (In Russian)
24. Ustinova Yu. P., Belobrykina O. A. Diagnostic consumer goods: a problem of a projective popularization in modern information space. *Bulletin on pedagogy and psychology of Southern Siberia*, 2017, no. 3, pp. 89–100. (In Russian)
25. Ustinov V. P. *Development of psychodiagnostic techniques and their application in empirical research*. Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State University, 2004, 103 p. (In Russian)
26. Foley J. *Encyclopedia of signs and symbols*. Moscow: Veche Publ., 1997, 512 p. (In Russian)
27. Freud Z. Repression. In: Freud Z. *Psychology of the unconscious*. Moscow: Firma STD Publ., 2006, pp. 79–110. (In Russian)
28. Hall J. *Dictionary of plots and symbols in art*. Moscow: Kron-Press Publ., 1999, 655 p. (In Russian)
29. Hall M. P. *Encyclopedic presentation of Masonic, Hermetic, Kabbalistic and Rosicrucian symbolic philosophy*. Moscow: Eksmo Publ.; Saint Petersburg: Midgard Publ., 2007, 864 p. (In Russian)
30. Chuprov L. F. Psychological diagnostics in the work of a practical psychologist. *Bulletin of practical psychology of education*, 2009, vol. 6, no. 3, pp. 111–115. (In Russian)
31. Chuprov L. F. Psychological diagnostics in the work of a practical psychologist. *Bulletin of practical psychology of education*, 2009, vol. 6, no. 4, pp. 124–127. (In Russian)
32. Shmelev A. G. Testing is not just about psychometric tests. *Bulletin on pedagogy and psychology of Southern Siberia*, 2019, no. 4, pp. 61–75. (In Russian)
33. Shcherbatykh Yu. V., Ermolenko P. I. Validity of projective test "Drawing of nonexistent animal". *Bulletin on pedagogy and psychology of Southern Siberia*, 2016, no. 4, pp. 118–125. (In Russian)
34. Elkonin D. B. On the problem of periodization of mental development in childhood. *Questions of psychology*, 1971, no. 4, pp. 32–39. (In Russian)
35. *Encyclopedia of symbols*. Compiled by V. M. Roshal. Moscow: AST Publ.; Saint Petersburg: Sova Publ., 2008, 1007 p. (In Russian)

36. Yung K. G. *Transformation symbols*. Moscow: AST Publ., 2008, 731 p. (In Russian)
37. Chabert C. *Psychanalyse et methodes projectives*. Paris: Dunod, 2018, 176 p.
38. Frydenberg E., Lewis R. Teaching coping to adolescents: When and to whom? *American Educational Research Journal*, 2000, vol. 37, issue 3, pp. 727–745. DOI: <https://doi.org/10.2307/1163487>
39. Lilienfeld S. O., Wood J. M., Garb H. N. The scientific status of projective techniques. *Psychological Science in the Public Interest*, 2000, vol. 1, issue 2, pp. 27–66. DOI: <https://doi.org/10.1111/1529-1006.002>
40. Meyer G. J., Finn S. E., Eyde L. D. et al. Psychological testing and psychological assessment: A review of evidence and issues. *American Psychologist*, 2001, vol. 56, issue 2, pp. 128–165. DOI: <https://doi.org/10.1037/0003-066X.56.2.128>
41. Piotrowski C. Projective techniques usage worldwide: A review of applied settings 1995–2015 [Electronic resource]. *Journal of the Indian Academy of Applied Psychology*, 2015, vol. 41, issue 3, pp. 9–19. URL: https://www.researchgate.net/publication/273004208_Projective_techniques_usage_worldwide_A_review_of_applied_settings (date of access: 10.10.2024).

Информация об авторах

Куликова Софья Тимофеевна – студент факультета психологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия, sofya.kulikova.2004@mail.ru

Белобрыкина Ольга Альфонсасовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и виктимологии, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия, <http://orcid.org/0000-0003-0407-6208>, olga.belobrykina@gmail.com

Information about the Authors

Sofya T. Kulikova – psychology student, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, sofya.kulikova.2004@mail.ru

Olga A. Belobrykina – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of Social Psychology and Victimology, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, <http://orcid.org/0000-0003-0407-6208>, olga.belobrykina@gmail.com

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку статьи к публикации.

Authors' contribution: Authors have all made an equivalent contribution to preparing the article for publication.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Поступила: 31.10.2024

Одобрена после рецензирования: 06.11.2024

Принята к публикации: 17.12.2024

Received: 31.10.2024

Approved after peer review: 06.11.2024

Accepted for publication: 17.12.2024

